

РОССИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**Научно-теоретическое,
информационное и практическое
издание**

**Основан в 1993 году
Выходит 6 раз в год**

**С 2007 года включен в Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук**

2 (125) • 2019

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

В. Л. Толстых*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК МИФОЛОГИЯ

Международное право оперирует не только прескриптивными, но и дескриптивными идеями, которые описывают и объясняют реальность. Дескриптивные идеи искажают реальность и в связи с этим являются мифами. Мифологическая структура международного права состоит из пяти уровней: первый образуют идеи суверенитета и прав человека, второй – либеральные реформаторские идеи XIX в., третий – идея международного преступления, четвертый – неолиберальные идеи второй половины XX в., пятый – идея технологий. Эта структура по большей части совпадает со структурой внутреннего права, поскольку в основе теории международного права лежит внутренняя аналогия, согласно которой международный порядок, как и внутренний, является результатом договора между индивидами, стремящимися к безопасности. Правовые мифы часто формулируются частными лицами, которые действуют под влиянием личной ситуации, но претендуют на объективную оценку исторических фактов. Они обычно вводятся с целью разрешения острого политического кризиса, сопровождающегося обесцениванием старых идей. Правовой миф опирается на все три способа легитимации, но прежде всего на харизматическую легитимацию, которая состоит в апелляции к естественным законам. Негативное воздействие мифа осуществляется по нескольким направлениям: во-первых, миф формирует ограниченный и закрытый дискурс; во-вторых, порождает логические противоречия; в-третьих, разрушает социальную реальность; в-четвертых, является инструментом господства; в-пятых, отчуждает от экзистенции; в-шестых, сцепляется с другими мифами, образуя мифологическую структуру. Реальность сопротивляется воздействию мифа. Когда сопротивление достигает критического уровня, миф перестает справляться с функцией организации порядка и мифологическая структура вынужденно трансформируется. Данная трансформация означает не гибель мифа, а его мимикрию или формирование защитного мифа. Миф может быть разоблачен, хотя это является крайне сложной интеллектуальной задачей. Разоблачение не предполагает выхода из пространства мифа; человек, осознающий несовершенство мифа, остается привязанным к нему личной судьбой. Исходя из этого важно сконструировать институциональный уровень преодоления мифического.

Ключевые слова: познание, международное право, мифология, суверенитет, права человека, история права, политика

* Толстых Владислав Леонидович – ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета (Новосибирск), доктор юридических наук, e-mail: vlt73@mail.ru.

Дескриптивные идеи в праве

Любое право оперирует двумя группами идей. *Первые*, прескриптивные, содержатся в самих нормах и образуют правовой дискурс в собственном смысле слова. Они предписывают определенное поведение, т. е. *непосредственно относятся* к конкретным ситуациям, на которые воздействует право. Их содержание и применение могут вызывать споры, которые, однако, не посягают на базовые смыслы, закрепленные в норме. Договоренность об этих смыслах, всегда присутствующая на заднем плане, и делает возможным спор, который не состоялся бы, если бы его участники вообще не понимали друг друга. *Вторые*, дескриптивные, не предназначены для регулирования конкретных ситуаций и не принадлежат исключительно правовому дискурсу. Они описывают и объясняют реальность, именуют ее отдельные фрагменты, распределяют их по уровням, связывают друг с другом и т. д. и, таким образом, создают целостный образ реальности, ее функционирующую структуру. Благодаря этому реальность перестает быть *хаосом* (вещью в себе) и становится *порядком*.

Дескриптивные идеи образуют Логос – слово (идею), формирующее реальность (*семенной логос*), в отличие от слова, направляющего волю участника реальности (приказа). Термин «Логос» был введен Гераклитом и в дальнейшем использовался в качестве центрального понятия различными философскими традициями, которые, признавая организующую (творческую) силу Логоса, расходились в вопросе об его источнике. Одни авторы выносили этот источник за пределы человека, признавая таковым Бога или некий объективный принцип (Гераклит, стоики, Филон Александрийский, Ф. В. Шеллинг, Г. Гегель); другие пытались обнаружить его в самом человеке (И. Кант, Ж.-П. Сартр). В данной статье дескриптивные идеи понимаются, скорее, во втором значении – как несовершенный инструмент, принадлежащий человеку, из чего может следовать несовершенство общего Логоса или отпадение человека от него¹. Детальное рассмотрение этого вопроса, однако, выходит за пределы статьи.

Человек одновременно является и автором дескриптивных идей, и их объектом. В первом аспекте он создает эти идеи, используя творческую силу воображения (И. Кант), реализуя интенциональность сознания (Э. Гуссерль), выступая проводником объективного духа (Г. Гегель), проявляя экзистенциальное предназначение (М. Хайдеггер²) или заблуждаясь по поводу природы реальности (буддизм, гностицизм). Во втором аспекте, будучи сам фрагментом реальности, он связывается с другими ее фрагментами и обретает смысл жизни, т. е. внешне по отношению к простому физическому существованию стимулы, а следовательно, и саму жизнь (как откровение или как иго). Политико-правовые идеи относятся к разряду высших, так как благодаря им человек заботится не только о себе как об отдельном индивидуе, но и обо всем человеческом роде, выходя за пределы субъективных ограничений.

Дескриптивные идеи образуют *смысловую сеть*, систему взаимных ссылок, в рамках которой именование объекта (помещение его в *locus* – *узел* порядка) определяет характер его взаимодействия с другими объектами. Представим, что некая группа людей решает жить вместе, чтобы общаться друг с другом, вос-

¹ Гераклиту приписывают высказывание: «Поэтому должно следовать общему {ξυνο'ς значит «общий»}, но хотя разум (логос) – общ, большинство [людей] живет так, как если бы у них был особенный рассудок (φρόνησις)» (Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев. М., 1989. С. 198).

² «В бытии человека сущностно лежит забота видения» (*Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 171*).

питывать детей и вести общее хозяйство. Само по себе это желание не предполагает учреждения *конкретного* организма, однако если оно будет реализовано в рамках современной дескриптивной структуры, данная группа будет определена как нация, ее желание – как стремление к самоопределению, созданный организм – как государство, которое в свою очередь введет институт гражданства, примет законы и пр. Дескриптивные идеи, таким образом, действуют подобно трафарету, разрешая реальности существовать и функционировать лишь в конкретных формах.

Реальность многоаспектна, внутри нее действуют разнонаправленные силы. Дескриптивные идеи подчеркивают лишь определенные ее аспекты и игнорируют (отсекают) остальные; изображаемая ими реальность в связи с этим всегда редуцирована (искажена). Принцип искажения обусловлен ограниченными когнитивными возможностями человека, который, создавая общий образ реальности, пытается действовать из-за ее пределов, но при этом остается ее частью, существом из плоти и крови, носителем определенного статуса и, как результат, проецирует субъективное «я» на обустриваемую им реальность, превращает ее из бытия-в-себе в бытие-для-себя (Ж.-П. Сартр). Благодаря такому *присвоению* человек преодолевает конфликты внутри реальности и *включается* в нее, т. е. обретает возможность влиять на нее, подчинять себе других, и одновременно закрепляет в ней свою временную и нестабильную проекцию, тем самым лишая себя возможности полностью раскрыть свою экзистенцию¹.

Принцип искажения представляет собой *фундаментальный гносеологический и онтологический закон*, действующий *во всех сферах* жизни. Врач, назначающий лекарство, закрывает глаза на его противопоказания; инженер, создающий технологию, преобразует природу способом, исключающим ее иное использование²; жених и невеста не замечают недостатков друг друга и, обнаружив их спустя время, утрачивают любовь; человек, совершивший плохой поступок, склонен подчеркивать оправдывающие обстоятельства и не замечать обстоятельств, усугубляющих вину. Склонность к искажению реальности, таким образом, заложена в природе человека и не может быть преодолена применительно к одному виду деятельности. Эта проблема осознается некоторыми традициями, предлагающими в качестве ее решения использование иного типа мышления, основанного на припоминании (Платон), феноменологической редукции (Э. Гуссерль), признании иллюзорной природы реальности (буддизм) и т. д.

С точки зрения юриста искажение реальности является безусловным благом, т. е. оно позволяет осуществлять эффективное регулирование и создавать новую, лучшую реальность. Сведение политического спора к правовым вопросам делает возможным его разрешение, что в свою очередь позволяет предотвратить войну³;

¹ Ключевое значение для философии Ж.-П. Сартра имеет идея «самообмана», из которой следует потребность «сделать бытие тем, чем мы являемся»: «С самообманом появляется истина, метод мышления, тип бытия объектов; и этот мир самообмана, которым внезапно окружается субъект, имеет онтологическую характеристику, заключающуюся в том, что бытие в нем есть то, чем оно не является, и не есть то, чем оно является» (*Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии*. М., 2000. С. 93, 102).

² М. Хайдеггер определяет технику как «вид раскрытия потаенности», направленный на добычу и накопление энергии. Он приводит в пример Рейн, который с установлением на нем гидроэлектростанции, «встраивается» в нее, становится поставщиком гидравлического напора и перестает быть произведением искусства. В результате человек не может вернуться более к исходному раскрытию потаенного и услышать голос ранней истины (*Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления*. М., 1993. С. 221–238).

³ По мнению Х. Лаутерпахта, «все конфликты в сфере международной политики могут быть сведены к контексту правового характера» (*Lauterpacht H. The Function of Law in the International*

отказ от моральной оценки преступника и жертвы является необходимым условием назначения наказания; игнорирование исторического опыта и этнических факторов позволяет выстроить порядок на основе принципа суверенитета и т. д. *Неведение*, таким образом, образует необходимое условие работы юриста, его *профессиональную задачу*.

Дескриптивная идея как миф

Принцип искажения позволяет определить любую дескриптивную идею как *миф*, а дескриптивную структуру – как мифологию. Современная наука определяет миф как «фантастическое отражение действительности, возникающее в результате одушевления природы и всего мира в первобытном сознании»¹, а мифологическое мышление – как особый тип мышления, характерный для ранней истории и противоположный рациональному (научному) мышлению. Миф искажает реальность, поскольку использует наглядные образы, а не абстрактные категории; опирается на чувственные аффекты, а не на рациональный анализ; учитывает только практический опыт и не прибегает к опосредованному познанию; формирует закрытое пространство, в котором господствует сакральный прецедент и отсутствуют пространственные и временные отношения. Существует несколько школ, объясняющих причины возникновения мифа и его социальные функции².

Во второй половине XX в. некоторые авторы распространили категории мифического на современность (*ремифологизация*). Т. Адорно и М. Хоркхаймер в «Диалектике просвещения» (1947 г.) описали миф как особый тип познания, характеризующийся невежеством и отчуждением, и ввели термин «миф Просвещения» (миф, ставящий человека в центр вселенной)³. Р. Барт в «Мифологиях» (1957 г.) разоблачил ряд культурных феноменов (пластмассу, стриптиз, кетч и др.), определил миф как предмет (язык), нагруженный социальными реакциями, деформирующий смысл и удаляющий реальность, и выделил признаки современных мифов (дискретность, дискурсивность, вездесущность, выполнение функции деполитизации власти буржуазии)⁴. А. Сови в «Мифологиях нашего времени» (1965 г.) разоблачил мифы о «золотом веке», «обетованной земле» и др., поддерживаемые социальной психологией; Ж. Бодрийяр в «Симулякрах

Community. Oxford, 1933. P. 164). Комментирующий это высказывание Р. Дженнингс подчеркивает слово «сведень» и отмечает: «Этот процесс уточнения конфликта через серию довольно специфических вопросов права или факта, которые суд впоследствии должен решить, конечно, является редуцированием конфликта, существовавшего до этого» (*Jennings R. International Courts and International Politics // Contemporary Issues in International Law / ed. by D. Freestone et al. The Hague, 2002. P. 17*).

¹ Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. М., 1964. Т. 3. С. 457 (автор статьи – А. Лосев).

² Первым исследователем мифа был Дж. Вико («Основания новой науки об общей природе наций», 1725 г.), увидевший в нем способ описания мира первобытными людьми, лишенными научно-го аппарата. Романтическая школа определяет миф как культурный символ (Ф. В. Шеллинг); натуралистическая – как «болезнь языка» (М. Мюллер), антропологическая – как результат наблюдений дикаря за природой (Э. Тейлор, Э. Лэнг); ритуалистическая – как описание ритуалов, обеспечивающих гармонию человека и природы (Дж. Фрейзер); функциональная – как инструмент поддержания традиций (Б. Малиновский); социологическая – как символическую форму коллективной психологии (Э. Дюркгейм); психологическая – как выражение психических процессов (З. Фрейд, К. Юнг); структуралистическая – как систему языковых структур, примиряющих бинарные оппозиции (К. Леви-Стросс) (Философская энциклопедия. Т. 3. С. 457–467; Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 2. С. 581–583. Автор статьи – Е. М. Мелетинский).

³ «Согласно Просвещению, все множество мифологических фигур может быть сведено к одному и тому же знаменателю, все они редуцируются к субъекту» (*Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. М. Кузнецова. М.; СПб., 1997. С. 20*).

⁴ *Барт Р. Мифологии. М., 1996.*

и симуляции» (1981 г.) ввел понятие «симулякр», определив его как символ, утративший связь с реальностью¹.

«Ремифологизация» *извне* сделала акцент на ярких и наглядных культурных мифах и почти не затронула профессиональный правовой дискурс. «Ремифологизация» же данного дискурса *изнутри* оказалась затруднительной, поскольку правовая доктрина Нового времени с самого начала отказалась от претензии на установление истины, поставив перед собой ограниченную цель исследования того, в чем состоит воля суверена и как она должна быть реализована на практике. Некоторые усилия по деконструкции правового дискурса были предприняты лишь относительно недавно представителями марксистской и критической школ. Первые доказали, что концептуальный уровень права отражает законы функционирования рынка²; вторые – что любая абстрактная правовая идея опосредована конкретными политическими условиями и интересами (сам процесс опосредования был обозначен как «овеществление»)³. Эти работы вызвали резонанс, но, скорее, как оригинальная позиция, чем как призыв к действию⁴. Примечательно, что пионерами «ремифологизации» права выступили специалисты в международном праве, более открытом в дискурсивном плане и более политизированном по сравнению с внутренним правом.

Мифологическая структура международного права состоит из пяти уровней. На *первом*, базовом, уровне находятся идеи суверенитета и прав человека, которые имеют основу в христианском учении о воле, были сформулированы в конце античной эпохи, воплощены в праве в эпоху Возрождения и пережили серьезную трансформацию при переходе к Новому времени (XVI–XVII вв.). На *втором* находятся либеральные идеи XIX в.: мирного разрешения споров, международного управления, свободы торговли, гуманного ведения войн и др. На *третьем* – идея международного преступления, сформулированная после Второй мировой войны и применимая к действиям государств (агрессивная война) и действиям частных лиц (терроризм). На *четвертом* – неолиберальные идеи второй половины XX в.: общего суверена, устойчивого развития, общего наследия, монетаризма, ответ-

¹ Обзор «ремифологизации» см.: Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 25–31.

² Папуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм // Папуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 32–181; Chimni B. S. An outline of a Marxist course on public international law // International law on the left: re-examining Marxist legacies / ed. by S. Marks. Cambridge, 2008. P. 53–91; Miéville Ch. Between Equal Rights: A Marxist Theory of International Law. Brill, 2005. По мнению Е. Б. Папуканиса, категории права не возвышаются над опытом, а отражают товарные отношения, присущие буржуазному обществу. Участниками этих отношений являются равные и обособленные носители частных интересов, обменивающиеся товарами. В момент спора юридическое абстрагируется от экономического и выступает как самостоятельный момент. Идея обособленности человека («естественное состояние») соответствует товарному способу производства, в котором производители не зависят друг от друга и связаны только искусственно создаваемым порядком.

³ Boyle J. Ideals and things: international legal scholarship and the prison-house of language // Harvard International Law Journal. 1985. Vol. 26. № 2. P. 327–359; Koskenniemi M. From apology to utopia: the structure of international legal argument. Cambridge, 2006. Дж. Бойли, в частности, пишет: «Международные юристы выражают свою теоретическую тоску, определяя международное право... Когда люди чувствуют неуверенность относительно того, что они должны делать, они стараются определить *существенные элементы* своей деятельности и таким образом, словно средневековые философы, спрятаться от мира в длящемся созерцании слова... Такое очарование определениями не является просто ошибкой... Это проявление чего-то более важного – всеобъемлющего овеществления, действующего на уровне каждодневной политики, а также в несуществующем концептуальном мире международно-правовой науки».

⁴ По словам А. Фичтельберга, разработки критической школы «получили широкое признание, но не сильно повлияли на то, как международные юристы думают и пишут о праве» (Fichtelberg A. Law at the vanishing point: a philosophical analysis of international law. Ashgate, 2008. P. 26).

ственности за защиту и др. На *пятом*, формирующемся, уровне находится идея технологий.

Эта структура по большей части совпадает со структурой внутреннего права. Дело в том, что в основе теории международного права лежит *внутренняя аналогия*, согласно которой международный порядок, как и внутренний, является результатом договора между индивидами, стремящимися к безопасности. Кроме того, в настоящее время происходит слияние порядков, в рамках которого многие функции внутреннего суверена передаются общему суверену. Разница в акцентах, однако, сохраняется: *во-первых*, некоторые идеи выражены в международном порядке слабее (например, идеи суверена, конституции, юридического лица и др.); *во-вторых*, отдельным идеям сообщается иное содержание (так, принцип демократии предполагает участие в принятии решений не всего населения Земли, а отдельных групп и организаций, претендующих на его представление).

Генезис правовых мифов

Право Нового времени опирается не на собственную ценность, а на волю законодателя, который рассматривается не как авторитет в вопросах справедливости, а как субъект, обладающий принципиально иным качеством – волей и способностью ее навязывать. Поэтому он может не формулировать идеи, а заимствовать их из внешних дискурсов. Это расщепление интеллектуального и волевого моментов снимает с него ответственность за содержание права (и делает его власть устойчивой), позволяет ему изменять право в зависимости от ситуации и придает праву дискуссионный характер (суть дискуссии – обмен аргументами из разных дискурсов). Правовые мифы в связи с этим часто формулируются частными лицами, которые, с одной стороны, претендуют на объективную оценку исторических фактов и научный характер выдвигаемых гипотез, а с другой – действуют под влиянием личной ситуации, ориентируясь на конкретные политические интересы и программы.

Так, учение о справедливой войне Ф. де Витории было призвано обосновать завоевание Америки Испанией; концепция *justus hostis* Б. Айалы – борьбу Испании против восставших голландских провинций; идея свободы моря Г. Гроция – экспансию Нидерландов в Юго-Восточной Азии и т. д. Существуют и менее явные ситуации, в которых политика опосредует доктрину на более глубоком и дискретном уровне. Например, идея общественного договора Т. Гоббса была сформулирована в контексте английской буржуазной революции; волюнтаристские концепции Г. Трипеля, Э. Кауфмана и К. Шмитта – в условиях становления сильного германского государства на рубеже XIX–XX вв.; концепция солидаризма Ж. Сселя – на фоне ослабления Франции в первой половине XX в. Таким образом, производство мифов является, с одной стороны, заданным процессом, в котором человек выполняет лишь функцию посредника, а с другой – избирательным процессом, в котором человек проявляет творческое начало.

Новые мифы всегда вводятся с целью разрешения острого политического кризиса, сопровождающегося обесцениванием старых идей. Так, идея суверенитета была сформулирована с целью избежать хаоса, угроза которого возникла в результате упадка феодализма, а идея прав человека – с целью преодолеть сопротивление феодальных институтов. Чтобы эффективно решить свою задачу, мифы формулируются как универсальные (применимые ко всем периодам и культурам), прогрессивные (символизирующие переход в более šťastливое состояние) и классово нейтральные. Кроме того, они каждый раз стигматизируют предше-

ствующие идеи: осуждают их как архаичные, опасные и т. п. Стигматизация может быть непрямой: так, естественное состояние войны всех против всех, осужденное Т. Гоббсом, по сути, является метафорой феодализма¹. Еще одна уловка состоит в обосновании нового порядка через его атрибуты (ассоциация цели и следствия). Например, идея суверенитета обосновывается аргументами, апеллирующими к безопасности, благосостоянию и правам человека; все эти ценности, однако, имели меньшее значение в старом порядке.

Новые мифы не только отрицают старые идеи, но и используют их как оправданную пунктуацию. Так, идея суверена, создающего позитивное право, с одной стороны, выглядит новой, так как предлагает иное обоснование власти, а с другой – является секуляризированной версией христианской идеи Бога, создающего естественный порядок. Это паразитирование связано с действием древних глобальных нарративов (под нарративом здесь понимается *последовательность* идей, восходящая к одному источнику). Кризис представляет собой просто очередной этап развития нарратива, его диалектическое *обновление*. В силу тех же законов новые мифы часто выглядят возвращением к идеям, отвергнутым на предыдущем этапе; так, современная идея демократии отсылает к античным образцам (минуя феодальный порядок), а идея технологий – к харизматической легитимации (минуя рациональную). Это возвращение на два шага назад, однако, не является полным и обычно лишь маскирует переход к новой стадии.

Довлеющий характер глобального нарратива может осознаваться отдельными субъектами, но это осознание редко сопровождается чем-то большим, чем просто протест, т. е. формированием жизнеспособной альтернативы (это не исключает того, что протест может быть последовательным и ярким, а его политические проявления – масштабными). Причина состоит в том, что глобальный нарратив действует тотально и определяет не только уровень политического сознания, но и гораздо более глубокие уровни культуры. В связи с этим интеллектуальные ниши для развития нового нарратива, как правило, отсутствуют, и даже если он выстраивается как законченное учение, общество не идентифицирует его и не связывает с какой-либо осознаваемой потребностью. Поэтому попытка противостояния глобальному нарративу обречена: ее итогом является либо искажение альтернативного проекта до неузнаваемости (судьба марксизма), либо гибель его носителя (судьба альбигойцев)².

Сила правового мифа

Классический миф содержал сюжет, т. е. рассказывал историю, в которой были завязка, развитие, кульминация, персонажи, мораль и т. п. Современный миф не содержит сюжета, а постулирует общее суждение: государства обладают суверенитетом, люди имеют права и т. п.³ Это отличие не влияет на механизм мифа и не свидетельствует о превосходстве современных мифов, но скорее является данью современному рационализму, признающему лишь абстрактные и ней-

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *ius publicum europaeum*. СПб., 2008. С. 91–92.

² Л. Н. Гумилев определяет систему, противостоящую глобальным нарративам, как «антисистему» («системную целостность людей с негативным мироощущением»). Примерами являются манихейство, исмаилизм, гностицизм и др.; все они были разрушены в результате «пассионарных толчков», действующих как лекарство (Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2006). От антисистем следует отличать ложные антисистемы. Так, СССР, декларировавший верность марксизму, на самом деле был «буржуазным государством, хотя и без буржуазии» (Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М., 2017).

³ Некоторые мифы, впрочем, приводят истории, но не в качестве логического центра, а лишь как риторическое украшение. Примером может служить история о битве при Сольферино, рассказанная А. Дюнаном.

тральные идеи; мимикрией мифа, призванной вызвать большее доверие¹. Действительно, переход от феодализма к капитализму мог быть совершен только при условии утверждения принципа равенства, вытекающего из природы рынка² и предполагающего устранение любых статусных различий – не только между людьми, но и между событиями (философия ставила перед собой эту задачу, начиная с Оккама). Любая регулятивная идея в связи с этим не может ссылаться на высшую реальность, существование которой не признается, или на отдельный фрагмент актуальной реальности (в этом случае идея не будет всеобщей); единственная возможность состоит в обобщении реальности, т. е. в формулировании абстрактного суждения.

Суждения, образующие содержание современных мифов, формулируются как естественные законы – объективные, универсальные и очевидные. Эти законы не зависят от признания и практики, которые могут подтверждать и раскрывать их, но не в состоянии их отменить или опровергнуть. Таким образом, как и классический миф, современный миф опирается на харизматическую легитимацию. Разница заключается лишь в том, что в одном случае сверхъестественная реальность – это мир богов, а в другом – внутренняя природа человека, функционирующая как *независимая* от него самого, безличная, самодостаточная, неподвижная и творящая субстанция – своего рода Бог, сокрытый в человеке³.

Действительно, миф об общественном договоре апеллирует к стремлению человека к безопасности (Т. Гоббс); миф о правах – к стремлению к индивидуализации (Дж. Пико делла Мирандола); либеральные мифы – к стремлению к свободе и счастью (И. Бентам, Б. Констан); миф о войне – к возможности индивидуальных девиаций и коллективных заблуждений (Ю. Хабермас); миф о технологии – к творческой способности. Аналогично действуют иные социальные мифы: экономическая теория А. Смита ссылается на врожденный эгоизм; кейнсианство – на склонность к сбережениям, монетаризм – на склонность к соперничеству и подражанию (Дж. Дьюзенбери, М. Фридман); функционализм (Д. Митрани, Э. Хаас) – на приверженность технократов общему благу и т. д. Все эти апелляции фундируют миф, но могут не воспроизводиться в процессе его применения. Примером служит идея достоинства, возникшая в ренессансной культуре и ставшая сегодня совершенно неразборчивой⁴.

¹ «Выразительностью мифологического образа, равно как и ясностью научной формулы удостоверяется извечность фактически наличного, а просто существующее выражается в качестве смысла, блокируемого им. Мир как гигантское аналитическое суждение, единственное, что еще остается ото всех грез науки, есть явление того же пошиба, что и космический миф, связывавший смену весны и осени с похищением Персефоны» (*Адорно Т., Хоркхаймер М.* Указ. соч. С. 43).

² С этим принципом связана и мнимая объективность права. Е. Б. Пашуканис писал: «Подчинение человеку как таковому, как конкретному индивиду означает для товаропроизводящего общества подчинение произволу, ибо совпадает для него с подчинением одного товаровладельца другому. Поэтому и принуждение не может здесь выступить в своей незамаскированной форме, как акт простой целесообразности. Оно должно выступать как принуждение, исходящее от некоторого абстрактного общего лица, как принуждение, осуществляемое не в интересах того индивида, от которого оно исходит, – ибо каждый человек в товарном обществе – это эгоистический человек, – но в интересах всех участников правового общения. Власть человека над человеком осуществляется как власть самого права, т. е. как власть объективной беспристрастной нормы» (*Пашуканис Е. Б.* Указ. соч. С. 135–136).

³ Как и Бог, человеческая природа действует как первопричина и может доказываться через второе доказательство Фомы Аквинского: «Если бы в причинном [ряду] не было первой причины, то не было бы ни последней, ни какой-либо промежуточной причины... Поэтому необходимо прийти [мыслью] к первой действующей причине, каковую все называют Богом» (*Фома Аквинский.* Сумма теологии. Часть 1. Вопросы 1–43. Киев, 2002. С. 26).

⁴ *Толстых В. Л.* Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека // *Правоведение.* 2016. № 2. С. 48–61.

Апелляция к естественным законам является главным, но не единственным способом харизматической легитимации мифа. Некоторые мифы апеллируют к истории, представляемой как объективный закон (права человека описываются как итог долгой и тернистой эволюции); жертвам или их вероятности (мифы о суверенитете и войне); мнению авторитетов (учению И. Канта о достоинстве и всеобщем мире); рациональным расчетам, эмпирическому опыту; несостоятельности альтернатив и пр. Все эти апелляции усиливают центральную идею мифа и одновременно скрывают ее, перенося акцент на поверхностные смысловые уровни. Как правило, они утверждают мнимую логическую связь: например, права человека, характеризующие современный этап истории, преподносятся как цель предшествующих этапов. Разоблачение этой ошибки, однако, затруднено в силу отсутствия дискурсивного пространства (возможности для равноправного спора) и разработанных интеллектуальных оснований.

Харизматическая легитимация предполагает не только субстанциальные, но и формальные апелляции, т. е. ритуалы. Ритуал – это действие, которое обладает особой торжественностью (неповседневностью) и призвано оказать эмоциональное воздействие на его участников с целью заставить их признать миф¹. Ритуал не сообщает подробной информации о содержании мифа, но представляет собой «голое» утверждение о его силе. Одни ритуалы сопровождают любое отправление власти, другие – реализацию конкретных мифов. К последним относятся *особые* нормы (*jus cogens*), источники (Всеобщая декларация прав человека), органы и должности (ЕСПЧ), процедуры, формы ответственности, стилистические приемы и пр.

Харизматическая апелляция уязвима в пространстве оригинального дискурса (так, идея прав была подвергнута критике со стороны Э. Берка, И. Бентама, К. Маркса и др.). В связи с этим миф испытывает потребность в легитимации иного рода, которую он получает от права в порядке обратной связи. *Во-первых*, после переноса в правовой дискурс на него распространяется презумпция общественного признания, благодаря которой он определяется как результат демократического выбора и получает *рациональную* легитимацию. *Во-вторых*, по мере применения он становится обычаем и его сила начинает определяться установкой на повседневно привычное (*традиционная* легитимация). Миф, таким образом, опирается на все три способа легитимации² и, как результат, приобретает устойчивый иммунитет к критике, которая отныне становится уделом маргиналов.

Негативное воздействие мифа

Негативное воздействие мифа осуществляется по следующим направлениям.

Во-первых, миф *лжет о реальности*: преодолев кризис, он искусственно поддерживает иллюзию его существования, питается ей и использует ее как инструмент создания альтернативной реальности, которая закрывает истинную реальность и поглощает ее энергию (изменяет разум людей и смысл событий)³. Идея

¹ Ритуал определяется как «исторически сложившаяся или специально установленная форма поведения, в которой строго канонизированный способ исполнения действия лишен непосредственной целесообразности и служит лишь обозначением (символом) определенного социального отношения (существующего социального порядка, признания каких-либо ценностей или авторитетов и т. п.)» (Философская энциклопедия. 1967. Т. 4. С. 512. Авторы статьи – О. Дробницкий, Ю. Левада).

² О способах легитимации см.: Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.

³ Как пишет Дж. Агамбен, «пространства, свободы и права, которые индивиды отвоевывают в конфликте с централизованной властью, приводят всякий раз к тайной, но постоянно усиливающейся фиксации их жизни государственным порядком, создавая тем самым новую и более опасную опору для суверенной власти, от которой они хотели бы освободиться» (Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 155).

суверенитета до сих пор оперирует архаичной угрозой частной войны (главным источником своей легитимности) и предлагает квалифицировать все политические события в двоичной системе: как действия, усиливающие эту угрозу, или как действия, ослабляющие ее. Аналогично идея прав стремится определить любую социальную проблему как проблему отсутствия личного выбора, а любой конфликт – как конфликт противоположных притязаний. Любая общественная наука в связи с этим является эпосом, т. е. торжественным рассказом о событиях прошлого, любая научная терминология – изощренным способом лоботомии, а любая полемика – ограниченной и непродуктивной.

Во-вторых, миф порождает логические противоречия; это связано с тем, что проигнорированная им реальность продолжает действовать и вызывать последствия, которые опровергают его. Так, идея суверенитета не в состоянии определить момент возникновения государства, объяснить значение и функции признания, установить природу норм *jus cogens* и обычного права¹, решить проблему самоопределения, обосновать связанность государства собственной волей и т. п., поскольку эти вопросы опосредованы не волей правительства, а другими факторами (например, концепция *jus cogens* выражает идею естественного права). Доктрина в связи с этим вынуждена использовать обходные пути: прибегать к прецеденту, закреплять презумпции, усиливать роль контекста и пр. Это приводит к утрате правом требуемой определенности, но, вместе с тем, поддерживает существование самой доктрины, вовлеченной в бесконечные и часто бесплодные дискуссии.

В-третьих, миф разрушает реальность, т. е. провоцирует дисбалансы и конфликты, свертывает людей в нищету и страдание, ослабляет и уничтожает социальные институты. Это связано с тем, что учет и усиление одних аспектов реальности возможны только за счет других ее аспектов, которые игнорируются и подавляются². Так, идея суверенитета упрочивает власть элит в ущерб самоопределению народа, расширяет сферу правового регулирования в ущерб морали и обычаям, защищает права человека ценой создания тоталитарного общества. Будучи примененной для разрешения территориальных споров, она не предотвращает войны, а, наоборот, провоцирует их: так, все гражданские войны, вызванные распадом Югославии и СССР, являются *прямым* результатом действия принципа *uti possidetis juris*³. Доктрина, защищающая миф, объясняет его негативные последствия дефектом применения или возлагает ответственность за них на другие факторы.

¹ Дж. Келли отмечает три момента. *Во-первых*, современные обычаи не основаны на общем консенсусе или признании, которые являются фикциями, используемыми для оправдания универсализации права. *Во-вторых*, концепция обычая неэффективна: она не обеспечивает установления содержания норм, порядка их возникновения и круга связанных государств. *В-третьих*, процесс формирования обычаев нарушает принципы демократии: в нем участвуют немногие государства, при этом мнение слабых игнорируется, а альтернативы и уступки не рассматриваются (Kelly J. P. The twilight of customary international law // Virginia Journal of International Law. 2000. Vol. 40. P. 449–543).

² Р. Барт пишет: «Функция мифа – удалять реальность, вещи в нем буквально обескровливаются, постоянно истекая бесследно улетающей реальностью, он ощущается как ее отсутствие» (Барт Р. Указ. соч. С. 270).

³ В основе этих войн лежал один сценарий: предлогом для распада страны было стремление наций к самоопределению; международное право требовало, чтобы границы новых государств соответствовали административным границам (*uti possidetis juris*); в результате значительную часть их населения составили меньшинства, болезненно реагировавшие на политику национальной унификации и ограничения прав. Международное сообщество вместо того, чтобы предложить компромисс, разжигало конфликт, занимая сторону одного из участников (повстанцев или правительства – в зависимости от ситуации). Результатом всегда были массовые чистки, замораживание конфликта и иногда фарс международного правосудия.

В-четвертых, миф является инструментом господства. Каждый аспект реальности предполагает собственную социальную иерархию, на вершине которой находятся группы, связанные с ним теснее прочих. Используя предоставляемые мифом ресурсы и дискурсивные возможности, они стремятся распространить миф и уничтожить своих оппонентов. Так, идея суверенитета позволяет монополизировать власть внутри страны и внедрить капитализм в незападных обществах, включив их в глобальный рынок на подчиненном положении. Аналогично идея прав человека используется как предлог для вмешательства, разжигания гражданских конфликтов, разрушения традиций и трансферта власти международным институтам. Современный порядок в этом смысле глубоко тоталитарен, а транслируемые им образы демократии, свободы и безопасности призваны скрыть это обстоятельство, а не отразить реальность.

В-пятых, миф *отчуждает от экзистенции*, т. е. дает ограниченный ответ на узкий круг вопросов, не отвечая на другие вопросы, не только политические, но и онтологические: как преодолеть страдания, как избежать зла, как обрести гармонию, как относиться к другим и пр. Современная мифология маргинализирует эти вопросы, с одной стороны, определяя их как вопросы частной жизни, которые каждый должен решать самостоятельно, а с другой – предлагая забыть о них и сосредоточиться на потреблении и информационном мусоре. Для этого используется ложный силлогизм: из того факта, что современное право не решает важные проблемы, предлагается сделать вывод, что их не решает *любое* право; идея права, таким образом, привязывается к закрытому миру мифа, а все остальное бытие высокомерно игнорируется. Результатом являются шизофреническая раздвоенность, в которой пребывает человечество, не осознающее глубины своего падения, и дефицит ниш для несогласных.

В-шестых, миф *цепляется с другими мифами*, образуя мифологическую структуру. Эта структура действует по принципу потока: обогнув и преодолев одну опасность, жертва не может преодолеть другую; в итоге ее захватывает течением и она оказывается в исходном положении, попусту растратив свои силы. Примером может служить опыт СССР: уничтожив некоторые институты капитализма, русские революционеры не смогли сломать фундирующие их мифы; результатом стали крах советского проекта и возвращение страны «на капиталистические рельсы». Разрушение же базовых мифов является заведомо невыполнимой задачей, во всяком случае в рамках *сугубо политического протеста*. Таким образом, вместо подлинной свободы мифологическая структура предлагает свободу алгоритмическую: она генерирует дискурс, напоминающий сеть, узлами которого являются отдельные мифы, и разрешает передвижение только по линиям, соединяющим эти узлы, забирая высвобождаемую энергию.

Изменение мифологической структуры

Реальность, на которую воздействует миф, формируется под влиянием глубоких законов, которые не могут быть произвольно отменены. Ее проигнорированные аспекты не «вырезаются», а лишь временно подавляются. Сохраняя жизнеспособность, они стремятся освободиться из-под гнета мифа. Иногда такое сопротивление проходит явно: так, любая гражданская война бросает вызов идее суверенитета. Иногда, однако, оно незримо для внешнего наблюдателя. Такие формы наиболее опасны: распрямление сжатой до предела пружины угнетенной реальности может вызвать катастрофу. Примером могут служить мировые войны, главной причиной которых марксисты считают неравномерность разви-

тия, а консерваторы – разрушение традиционных ценностей и отчуждение человека от политики¹.

Конфликты, возникающие в результате восстания реальности, определяются как угроза порядку и разрешаются путем применения изначального мифа, который, таким образом, пытается лечить болезнь, вызванную им самим. Это лечение носит симптоматический характер и не выправляет реальность, но лишь еще больше угнетает ее: конфликты возникают вновь и вновь, неся с собой все большую угрозу. Рано или поздно сопротивление мифу достигает критического уровня, и миф перестает справляться с функцией организации порядка. В этот момент открывается пространство для критики, и мифологическая структура вынужденно трансформируется. Данная трансформация не означает гибели мифа, поскольку его корневые смыслы определяют не только мишень для протеста, но и сам протест (в дискурсе просто нет места для полноценной альтернативы). Она, однако, предполагает мимикрию изначального мифа или формирование защитного мифа.

Мимикрия представляет собой изменение вторичных элементов мифа при сохранении его сути. Так, в результате событий XVII в. произошло не разрушение христианского мифа о воле, лежавшего в основе феодального порядка, а лишь замена его субъекта (с Бога на человека); обновленный секуляризованный миф стал основой буржуазного порядка. Мимикрией также можно считать советский проект, который, заявив об отмене капитализма, сохранил свойственное последнему отчуждение человека от труда и политики. Мимикрия, таким образом, преодолевает кризис путем частичного отрицания старого мифа и его адаптации к новой ситуации. Обычно она воспринимается в перспективе тех аспектов мифа, которые она изменяет (а не в более широкой перспективе), т. е. как полное отрицание старого мифа. Именно поэтому она часто сопровождается сменой правящего класса.

Защитный миф действует иначе: он снимает вину за угнетение реальности с изначального мифа и предлагает иное объяснение кризиса. Благодаря этому обеспечиваются сохранение старого мифа, созданного им порядка и обслуживающих его элит и одновременно ликвидация политических альтернатив, на которые обычно и возлагается ответственность. Защитный миф, таким образом, усиливает изначальный миф и его деструктивное воздействие и поэтому является гораздо более опасной формой трансформации. Примером может служить миф, созданный после Второй мировой войны, который снял ответственность с капиталистического строя и возложил ее на отдельных политиков; в результате противоречия капитализма не были преодолены, а новый миф стал регулярным средством борьбы с его политическими противниками.

Внешней стороной трансформации мифологической структуры всегда являются большие исторические события: войны, революции и т. п. Внутренняя, гносеологическая сторона состоит в переносе внимания с одних аспектов реальности на другие: люди начинают видеть то, чего они раньше не замечали, и игнорировать то, что раньше для них было важным. Принцип работы мифа (искажение), таким образом, не меняется. Внимание не может быть перенаправлено радикальным образом: человек способен замечать только то новое, что имеет какое-то отношение к старому; тотальное отрицание старого мифа неэффективно по определению, так как просто останется незамеченным. Жизнеспособность нового мифа, следовательно, напрямую зависит от его способности войти в пространство старого

¹ Х. Арентд пишет: «Главная черта человека массы – не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений» (*Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 422.*)

мифа. Реальность и воспринимающие субъекты постоянно меняются; изменение вектора внимания и трансформация мифа в связи с этим неизбежны.

Сказанное не означает невозможности полного обновления мифологии, т. е. изменений, не ограничивающихся мимикрией или созданием защитного мифа. Такие изменения могут происходить под влиянием прерывающих естественное развитие внешних событий, таких как переселение народов, колонизация, природная катастрофа и др. Следствием этих событий может быть насильственное навязывание новых мифов старому сообществу или же формирование новых мифов новым сообществом. Примером может служить переход от Античности к Средним векам, вызванный великим переселением народов и образованием христианской общины¹. Многие религиозные течения, отмечая несостоятельность существующей мифологии, надеются, что ее полное обновление произойдет в результате усилий пришедшего извне спасителя или реализации откровения.

Изменение мифологии всегда вызывает большой энтузиазм, поскольку предполагает раскрытие новых, доселе неизвестных сторон реальности. Реальность, однако, никогда не раскрывается *полностью*, во всяком случае для всех и на долгий срок. Такое полное раскрытие в принципе не является пунктом политической повестки, оставаясь уделом философии и религии.

Разоблачение мифов

Разоблачение мифа – крайне сложная задача. *Во-первых*, современная мифология защищена несколькими защитными *установками*: на объяснение социальных проблем дефектом применения (а не самим применением²); на восприятие современности как постистории, т. е. истории, которая завершена или имеет высший статус; на глобалистское видение, отрицающее ценность локальных культур; на дискуссию, сублимирующую стремление к неискаженной реальности. *Во-вторых*, базовые мифы господствуют во всех основных дискурсах, при этом иногда залегают настолько глубоко в подсознании, что фактически становятся *невидимыми*: современная наука может даже не фиксировать их существование и оперировать лишь производными мифами, смена которых создает иллюзию борьбы. *В-третьих*, миф является причиной и предметом социальной коммуникации, которая предполагает не только обмен информацией, но и распределение материальных благ. Все ее участники *зависят от мифа*, т. е. могут поддерживать свое существование и подниматься в социальной иерархии только при условии его признания. Люди могут идти на жертвы ради мифа. Эти жертвы, однако, являются лишь своеобразной формой зависимости; благодаря им человек не только служит другим, но и раскрывает в себе качества, на которых настаивает миф. Любой, даже самый подлый миф в связи с этим находит своих сторонников, которые не видят иной реальности просто потому, что попытка ее разглядеть угрожает их самости и выживанию.

Человек, тем не менее, способен распознавать миф и занимать по отношению к нему активную позицию. *Во-первых*, в нем всегда есть область, не подвластная мифу, внутренний зритель, способный замечать всю ложь происходящего на экране даже с последнего ряда. В связи с этим в нем живет надежда на преодоление мифа (и собственной судьбы), которая, независимо от ее обоснованности, не только укрепляет и возвышает его, но и служит общему благу. *Во-вторых*,

¹ Л. Н. Гумилев пишет: «... в этногенезе ранние христиане показали наличие всех тех качеств, которые необходимы для создания нового этноса и которые можно свести к двум: целенаправленности и способности к сверхнапряжениям» (*Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 252*).

² По словам Ч. Мьевиля, «хаотический и кровавый мир вокруг нас и есть правопорядок» (*Mièville Ch. Op. cit. P. 319*).

осознание мифа выводит человека из-под его власти: подчиняясь мифу, человек не угнетается им и сохраняет внутреннюю свободу, а его поступки, продиктованные мифом, не влекут для него негативных последствий¹. В-третьих, человек является не только рабом, но и господином мифа: он может выводить из употребления наиболее вредные мифы и формировать новые мифы, более адекватные реальности.

На интеллектуальном уровне миф может быть преодолен несколькими способами. Во-первых, он может быть сопоставлен с ценностями иных культур прошлого и настоящего: результатом будет вывод о его относительности и альтернативности. Во-вторых, он может быть подвергнут анализу в смежном дискурсе, где действие защитных механизмов не так сильно². В-третьих, он может быть исследован в контексте его раннего генезиса, когда он еще не опирался на общее признание; результатом будет более точная и исторически детерминированная картина. В-четвертых, он может быть исследован в контексте политических кризисов, для чего необходимо преодолеть оптический обман и связать эти кризисы с самим мифом, а не с дефектом его применения³.

Разоблачение не предполагает выхода из пространства мифа; человек, осознающий несовершенство мифа, остается привязанным к нему своей личной судьбой, по поводу которой он может испытывать разочарование, но которую он не в состоянии преодолеть⁴. В связи с этим важно сконструировать институциональный уровень преодоления мифического. Компромиссный путь, предложенный критической школой, предполагает создание внутри общества институтов, способных разоблачать мифы. Отвечая на вопрос, как преодолеть искажение, он, тем не менее, не объясняет, как избежать нового искажения. Революционный путь, предложенный марксистами, предлагает полное очищение мира от старых мифов, результатом чего должно стать формирование нового свободного человека. Возможность такого очищения, однако, не подтверждена исторически. Гностический и буддистский пути состоят в полном отрицании любой реальности и выработке недоверия к любым нарративам. Это путь антисистемы, предполагающий не совершенствование общества, а полный и бесповоротный уход из него.

Заключение

Особая актуальность мифического обусловлена тем, что человечество находится в преддверии грозных событий, контуры которых пока еще не определены, но которые, очевидно, будут означать конец старого мира. Речь может идти о сим-

¹ Эта мысль передана в известном стихе 2.38 Бхагават-Гиты, в котором Кришна обращается к Арджуне со словами: «Признав, что равны счастье, несчастье, неудача и достижение, поражение, победа, готовься к битве, чтобы греха избежать» (Махабхарата II. Бхагавадгита (часть I). 2-е изд. доп. и перераб. / пер. Б. Л. Смирнова. Ашхабад, 1960).

² Такой подход – сильная сторона американской доктрины, пренебрегающей догматикой и часто использующей комбинированные методики (*rational choice, national interests, critical approach* и т. п.).

³ Методология разоблачения мифа была предложена критической школой. Ее негативный аспект предполагает преодоление естественности и раскрытие контекстуальной обусловленности правовых концепций; ее позитивный аспект – принятие реальности конфликта и отказ от презумпции внешней рациональности, в которой все конфликты разрешены. Необходимо выражать идеал в понятиях, не отражающих заданное единство; использовать справедливость *ad hoc*; заходить в сферы, закрытые для юристов: историю, экономику, социологию и политику (*Koskenniemi M. Op. cit. P. 533–548*).

⁴ Л. М. Баткин пишет по этому поводу: «Да, я волен выбирать свою духовную приверженность, почему бы мне не прислушаться к старозаветным, даже и к патриархальным, воспоминаниям, если они, по-моему, прекрасны. Но я не волен выбирать исторически мне данный способ выбора духовных приверженностей... Согрешить – значит вкусить от древа познания, а вытолкнуть из сознания познанное уже немислимо» (*Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 8*).

волическом конце, открывающем дорогу для нового будущего. Пессимистический сценарий, однако, выглядит не менее вероятным. Мифы Нового времени породили технологии, полностью подавляющие природу человека и превращающие его в иное, бездушное существо; тоталитарную политическую систему, в которой нет ни грамма демократии и которая использует настолько жестокие и изобретательные методы, что любое серьезное противостояние ей невозможно в принципе; экономическую модель, характеризующуюся предельным отчуждением человека от труда; фальшивую культуру, главная функция которой состоит в том, чтобы развращать человека и пожирать его внимание. Одновременно они убили или дискредитировали все то, в чем человек когда-то искал и находил надежду: религию, философию, семью, политику, искусство.

Миф *всегда* причиняет страдания, но не оказались ли мы сегодня в ситуации, когда речь идет не просто о страданиях, а о приближающейся гибели Человека? Способны ли мы избежать ее и не просто трансформировать старые мифы, но и повернуть историю вспять? Должны ли мы верить в свои силы или же нам следует надеяться на откровение? С чего мы должны начать? Не перешли ли мы критическую черту и не принадлежат ли все наши действия (те, которые мы совершили, и те, которые мы еще совершим) прошлому просто потому, что будущего уже не будет? Эти экзистенциальные вопросы вставали перед человечеством в период любого кризиса, и каждый раз оно пыталось найти и в итоге находило ответы на них. Особенность нынешнего кризиса, однако, состоит в том, что человечество полностью растеряно: осознавая серьезность угрозы, оно не способно сформулировать сколько-нибудь внятную программу ее преодоления, коллективный или индивидуальный идеал¹. Возможно, впрочем, что речь идет лишь о временном замешательстве и на смену долгой ночи наконец придет прекрасное новое утро.

Список литературы

- Агамбен Дж. Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.
- Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. М. Кузнецова. М.; СПб., 1997.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
- Барт Р. Мифологии. М., 1996.
- Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
- Ваттимо Дж. Прозрачное общество / пер. с итал. Д. Новикова. М., 2002.
- Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2006.
- Махабхарата II. Бхагавадгита (часть I). 2-е изд. доп. и перераб. / пер. Б. Л. Смирнова. Ашхабад, 1960.
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000.
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 2.
- Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм // Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980.
- Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М., 2000.
- Толстых В. Л. Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека // Правоведение. 2016. № 2.

¹ Некоторые современные философы полагают, что эта неуверенность и есть подлинная свобода. По мнению Дж. Ваттимо, в обществе постмодерна «постепенно осуществляется идеал свободы, основанный скорее на колебании, множественности и, в конечном счете, эрозии самого „принципа реальности“». И далее: «От нас требуется усилие, чтобы помыслить колебание как свободу: все еще коренится в нас – и в индивидах, и в обществе – тоска по замкнутым горизонтам, угрожающим и обнадеживающим одновременно» (Ваттимо Дж. Прозрачное общество / пер. с итал. Д. Новикова. М., 2002. С. 18).

- Троцкий Л. Д.* Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М., 2017.
- Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. М., 1964. Т. 3; 1967. Т. 4.
- Фома Аквинский.* Сумма теологии. Часть 1. Вопросы 1–43. Киев, 2002.
- Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев. М., 1989.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
- Хайдеггер М.* Вопрос о технике // *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.
- Шмидт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008.
- Boyle J.* Ideals and things: international legal scholarship and the prison-house of language // Harvard International Law Journal. 1985. Vol. 26. № 2.
- Chimni B. S.* An outline of a Marxist course on public international law // International law on the left: re-examining Marxist legacies / ed. by S. Marks. Cambridge, 2008.
- Fichtelberg A.* Law at the vanishing point: a philosophical analysis of international law. Ashgate, 2008.
- Jennings R.* International Courts and International Politics // Contemporary Issues in International Law / ed. by D. Freestone et al. The Hague, 2002.
- Kelly J. P.* The twilight of customary international law // Virginia Journal of International Law. 2000. Vol. 40.
- Koskenniemi M.* From apology to utopia: the structure of international legal argument. Cambridge, 2006.
- Lauterpacht H.* The Function of Law in the International Community. Oxford, 1933.
- Miéville Ch.* Between Equal Rights: A Marxist Theory of International Law. Brill, 2005.